

УДК 339.942

*А.А. Попов***ДЕФИЦИТ УГЛЯ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРОПЕ (1950-е гг.)¹**

Интеграционные процессы в Западной и Восточной Европе развивались под влиянием сходных факторов и оказывали значительное влияние друг на друга. Дефицит угля в послевоенный период был серьезной проблемой для всех европейских экономик, поиск решения которой занял все десятилетие 1950-х гг. Нехватка угля оказала прямое влияние на расширение сотрудничества между странами как внутри интеграционных сообществ Европейского объединения угля и стали и Совета экономической взаимопомощи, так и на общеевропейском уровне. В статье проанализированы шаги стран СЭВ по преодолению дефицита коксующихся и энергетических углей. Рассмотрены условия и механизмы формирования системы распределения угля в Восточной Европе. Показано, что в случае социалистических стран выбор конкретных альтернативных путей решения проблемы часто зависел от ситуативных решений политического руководства. Решение угольной проблемы сопровождалось формированием устойчивых неоптимальных экономических отношений, что косвенно признавалось самими социалистическими странами. При этом сложившаяся в СЭВ в конце 1950-х гг. система распределения функционировала вплоть до распада социалистического лагеря. На основании этих фактов сделан вывод о том, что попытки решения проблемы дефицита угля привели появлению qwerty-эффектов в развитии торгово-экономических отношений восточноевропейских стран. Выдвинуто предположение о том, что в рассматриваемый период прединтеграционные процессы в социалистическом лагере были более уязвимы для появления qwerty-эффектов, чем западноевропейская интеграция.

Ключевые слова: история европейской интеграции, Совет экономической взаимопомощи, уголь, внешняя торговля СССР, история международных отношений, qwerty-эффект.

Введение

Проблема энергетической безопасности Европы за последние 70 лет несколько раз меняла свое содержание, сохраняя при этом актуальность. Для европейских экономик обеспеченность энергоресурсами в XX и XXI веках являлась важнейшим фактором стабильного развития и роста. Впервые дефицит сырья стал важной детерминантой экономических и политических процессов в середине прошлого столетия.

Раздел Европы на сферы влияния после Второй мировой войны имел неожиданный эффект для экономической сферы. Традиционные общеевропейские хозяйственные связи и производственные процессы, к которым в войну применялись истощающие мобилизационные модели эксплуатации, были нарушены. Важнейшие для европейской экономики угольные и железорудные месторождения не только сменили собственников, потеряли часть оборудования и квалифицированные кадры, но во многих случаях были переориентированы на новые рынки сбыта. Серьезным негативным фактором была неопределенность судьбы Германии и ее промышленного комплекса. Кроме того, в Восточной Европе активно внедрялись новые формы организации производства, эффективность которых в первое послевоенное десятилетие была низкой.

Хотя германская военная машина больше не потребляла ресурсы, к началу 1950-х гг. по обе стороны железного занавеса европейские страны столкнулись с масштабным дефицитом сырья и энергии. Ускоренный промышленный рост вел к увеличению спроса и на энергетический, и на коксующийся уголь. И если теоретически энергию можно было получать из альтернативных источников, найти замену коксу в металлургических процессах было практически невозможно.

Решение экономических проблем требовало политических мер, направленных на организацию более тесного сотрудничества между государствами. Но холодная война накладывала свои ограничения на расширение интеграции. Рациональные с позиций рыночной экономики решения далеко не всегда были оптимальными в свете политических и идеологических расхождений.

Послевоенный дефицит ресурсов оказал непосредственное влияние на начало западноевропейской интеграции. Уже в начале 1950-х гг. были созданы Европейское объединение угля и стали (1952 г.) и Европейская организация по ядерным исследованиям (ЦЕРН, 1954 г.). С 1958 г. начали функционировать Европейское экономическое сообщество и Европейское сообщество по атомной энергии.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ. Проект № 15-31-01226.

Аналогичным образом нехватка сырья вынуждала углублять кооперацию и восточноевропейские страны. В 1949 г. был создан Совет экономической взаимопомощи, а уже с середины 1950-х гг. начали предприниматься шаги по снижению остроты дефицита, в том числе через расширение регулирования взаимной торговли и углубление научно-технического сотрудничества. А уже в 1956 г. было принято решение о создании социалистического аналога ЦЕРН – Восточного института ядерной энергии.

Впрочем, существовали и альтернативные варианты развития европейской интеграции. В 1950-е гг. политические элиты еще искали оптимальные формы кооперации стран. Открытым остается вопрос о том, были ли победившие варианты наилучшими из возможных. До конца не ясно, в какой степени экономические и политические условия 1950-х гг. предопределили формирование устойчивых хозяйственных связей внутри западно- и восточноевропейской интеграции.

Целью данного исследования является выявление конкретных примеров влияния дефицита угля на появление устойчивых неоптимальных экономических и политических связей между европейскими странами в 1950-е гг.

Теоретические основания

В рамках новой транснациональной истории сложилась традиция многостороннего анализа причинно-следственных связей с учетом мотивов и действий ведущих игроков [22]. Интеграционные процессы в Европе, особенно на ранних этапах, в современной исторической науке трактуются шире, чем просто западноевропейская интеграция [4. С. 11]. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на формирование западно- и восточноевропейских интеграционных объединений, как на часть более масштабных общеевропейских интеграционных процессов.

Разумеется, внешнеполитический фактор в той или иной степени учитывался исследователями европейской интеграции, а влияние «красной угрозы» на формирование западноевропейских сообществ изучено весьма глубоко [27]. Однако в свете новых исследований подобный подход выглядит весьма упрощенным. Экономические объединения Западной, Северной и Восточной Европы непрерывно оказывали друг на друга заметное влияние, часто предопределяя победу тех или иных альтернатив развития региональной интеграции.

Роль Советского Союза в европейских интеграционных процессах была проанализирована в новаторской работе М.А. Липкина [4]. Опираясь на архивные документы, автор реконструировал взаимодействие советских властных институтов с политическими и экономическими структурами ведущих интеграционных группировок, международных и региональных организаций и наглядно продемонстрировал, как события международной жизни влияли на определение конкретных путей развития интеграционных объединений. Из анализа следует, что на ранних этапах, в 1940–1960е гг., эти пути не были окончательно предопределены и некоторое время существовали конкурирующие интеграционные проекты [4, С. 503].

В западной историографии основной фокус в рамках подобного подхода к изучению истории европейской интеграции сконцентрирован на периоде «разрядки» и представлен в работах таких зарубежных исследователей, как С. Кансикас [23], В. Мюллер [24], А. Романо [26], Т. Ямомото [28]. При этом следует отметить, что в последние годы в Европе в целом возрос интерес к истории ранних этапов интеграции как Европейского экономического сообщества, так и Совета экономической взаимопомощи [18].

Еще одним стимулом для изучения истории европейской интеграции в широком международном контексте стало прорывное развитие инструментов экономической истории. Долгое время экономистов волновала проблема оценки эффективности западноевропейской интеграции. До недавнего времени результаты контрфактуальных исследований носили крайне противоречивый характер и, как правило, были основаны на анализе интеграционных объединений как изолированных систем [14. С. 403-404]. Начало применения метода синтетического контроля к анализу экономической истории европейской интеграции [16] естественным образом привело к тому, что и экономическими историками западноевропейские процессы стали рассматриваться в контексте общеевропейских.

Наконец, как уже было отмечено, условия холодной войны налагали существенные ограничения на конкретные сценарии развития интеграционных процессов. Для отдельных ситуаций наличие альтернативных проектов отнюдь не означало возможности их применения. Фактически же означенная ситуация вела к тому, что отдельные процессы внутри западно- или восточноевропейской инте-

грации жестко зависели от пути предшествующего развития. Основы анализа в рамках данного подхода были заложены в работах П. Дэвида [17], Б. Артура [15], Д. Норта [25]. Подобный подход предполагает, что случайные события прошлого могут определять развитие экономических, социальных или иных процессов по менее эффективному пути при наличии альтернатив [17. С. 208]. С нашей точки зрения, отдельные явления в рамках ранней истории интеграционных процессов в Европе могут быть отнесены к подобным *qwerty*-эффектам.

Метод

Поиск появлений устойчивых неоптимальных экономических и политических связей между европейскими странами предполагал проработку значительного объема эмпирических данных. В силу специфики заявленной темы фокус исследования оказался смещен в сторону стран Восточной Европы. В значительной степени это было связано с тем, что сама система принятия решений внутри социалистического блока была весьма уязвима для формирования устойчивых неоптимальных связей. Смещение акцентов предопределило круг источников.

Так, важное место в рамках данного исследования занимал анализ статистических данных внешней торговли социалистических и капиталистических стран. Была изучена структура торговли углем ведущих европейских производителей и потребителей, сопоставлены цены угольного экспорта США и СССР как двух важнейших экспортеров на рынки Западной Европы.

Впрочем, в отрыве от исторического контекста полученные данные крайне сложно интерпретировать (наибольшие затруднения в этом смысле представляет интерпретация данных торговли между социалистическими странами). Поэтому значительное внимание было уделено качественному анализу архивных материалов Российского государственного архива экономики, делопроизводственных документов, нормативных актов и источников личного характера.

Методологическую проблему представляли критерии определения оптимального или неоптимального характера выявленных связей. В данном случае был выбран упрощенный вариант, при котором неоптимальным признавался случай, предполагающий рост на протяжении длительного периода реальных издержек для одной из сторон.

Следует также отметить, что представленные результаты не позволяют реконструировать полную картину сложных экономических и политических отношений между странами Западной и Восточной Европы, однако дают представление о конкретных проявлениях того, как частные решения оказывали длительный эффект на хозяйственные системы региона.

Результаты

Дефицит угля в послевоенной Европе в значительной степени может быть объяснен следующими факторами.

Во-первых, к концу войны европейские угольные месторождения были истощены, а их восстановление требовало дополнительных людских и капитальных ресурсов.

Во-вторых, послевоенные изменения границ, начало холодной войны и конфликты внутри блоков привели к нарушению традиционных торговых потоков.

В-третьих, возник дополнительный, в сравнении с довоенным периодом, спрос на уголь, обусловленный началом индустриализации социалистических экономик Восточной Европы.

Прекрасной иллюстрацией действия данных факторов была ситуация вокруг Верхнесилезского угольного бассейна. В межвоенный период часть его территорий находилась под контролем Германии, часть – под контролем Польши, а уголь из обеих частей шел прежде всего на немецкие рынки. С 1945 г. все верхнесилезские шахты перешли к Польше. При этом почти все экспортные объемы поставлялись в СССР вплоть до середины 1950-х гг. (согласно торговому соглашению) по «специальной» десятикратно заниженной цене [13. С. 93]. Фиксированные объемы поставок в СССР ограничивали возможности роста внутреннего потребления. Но, поскольку восточноевропейские страны проходили индустриализацию по советскому образцу, форсированное развитие тяжелой промышленности неизбежно вело к расширению внутреннего потребления. Это очевидное противоречие усугублялось крайне ограниченными инвестициями в развитие горнодобывающей отрасли. Техническое оснащение верхнесилезских шахт в этот период было плохим, широко применялся принудительный

труд заключенных, военнопленных и солдат [1. С. 88]. Тяжелыми были бытовые условия. Дефицит угля нарастал с каждым годом и ощущался и на внутреннем, и на внешнем рынке.

Сходная ситуация в угольной отрасли сложилась и в СССР. Положение донецких шахт было практически идентично положению верхнесилезских [1. С. 88-89]. При том что Советский Союз и Польша были основными экспортерами угля в Восточной Европе, кризисное положение в угледобывающей отрасли этих стран прямо угрожало реализации планов развития всего социалистического лагеря.

Нехватка угля тормозила экономику ГДР, Венгрии и Чехословакии. Последняя страна, располагая запасами ценных для металлургии коксующихся углей, расширила их потребление и ограничила поставки партнерам по блоку. В целом ситуация была весьма напряженной и требовала решительных мер.

В Западной Европе дефицит энергетического угля ощущался в гораздо меньшей степени. Значительную роль в этом играл импорт дорогого американского угля [20. С. 188]. Впрочем, уже сама зависимость от США вызывала в Европе опасения.

Длительное время доступ к западноевропейским рынкам сбыта не могли получить предприятия Рура, что негативно влияло и на экономику ФРГ, и на экономику соседних стран. Так, французская промышленность с конца 1940-х гг. остро нуждалась в западногерманском коксе и продуктах сталелитейной отрасли [20. С. 142], что стало одним из условий возвращения Западной Германии в систему экономических отношений региона.

Острота кризиса и конфронтация между идеологическими блоками предопределили формирование неоптимальных торговых связей и в Западной, и в Восточной Европе. Рынки этих субрегионов не были полностью изолированы друг от друга, и торговля ресурсами велась активно. Но объемы поставок угля были довольно ограниченными. Восточная Европа и СССР обладали значительным экспортным потенциалом и надеялись раскрыть его, решив проблему европейской энергетической безопасности.

Однако этим планам не суждено было сбыться. Существенную роль здесь сыграли ситуативные решения, предопределившие дальнейшее развитие событий.

Начало описываемый процесс берет в середине 1950-х гг., когда социалистические страны начали новый этап индустриализации. Не имея возможности получить необходимые ресурсы, они начали разработку собственных месторождений. Часто это не имело никакого смысла с точки зрения эффективного расходования ресурсов. Власти Польши и Чехословакии финансировали нерентабельную добычу крайне бедных железных руд, а венгерское руководство – разработку месторождений низкосортного угля. Все страны СЭВ нуждались в одних и тех же ресурсах, поскольку исключительно развитие секторов тяжелой промышленности считалось мериллом экономического роста.

К концу 1955 г. большинство стран СЭВ не имело возможностей для дальнейшего расширения ресурсной базы угля и железной руды, что означало срыв планов развития для всех европейских социалистических стран. В этих условиях остро встал вопрос углубления координации народнохозяйственных планов и более рационального использования ресурсов внутри блока.

В январе 1956 г. на совещании руководителей коммунистических и рабочих партий европейских стран народной демократии после разбора сложившейся ситуации Никита Хрущёв внес предложения о совместной разработке заинтересованными сторонами наиболее богатых советских, польских и чехословацких месторождений [7. С. 46-47]. Все страны поддержали эти предложения, однако реализовать их оказалось весьма сложно.

В марте в Польше разразился масштабный энергетический кризис, что привело к сокращению внутреннего потребления, срыву поставок в другие соцстраны и увеличению экспорта в страны Западной Европы. После смерти польского лидера Б. Берута кризис перекинулся и на политическую сферу.

На июньском совещании руководителей коммунистических и рабочих партий новый руководитель Польши Э. Охав прямо обвинил другие социалистические страны в том, что они не выполняют своих обязательств по поставкам зерна, хлопка, шерсти, цветных металлов, которые Польша вынуждена закупать на Западе [8. С. 3]. Для закупки требовалась твердая валюта, выручить которую польская сторона планировала за счет продажи западным странам угля, предназначенного планами взаимных поставок внутри СЭВ. Фактически это свидетельствовало о том, что торговля внутри СЭВ к лету 1956 г. была серьезно разбалансирована, а перспектива потери польских ресурсов грозила серьезными проблемами для ведущих отраслей тяжелой промышленности всего блока.

Последовавшие события развивались по наихудшему варианту. В конце июня началось восстание познанских рабочих, которое было жестко подавлено польскими властями, что вылилось в национальный политический кризис. Пик кризиса пришелся на октябрь, когда возникли вполне конкретные перспективы советского военного вторжения. В результате переговоров польского и советского руководства советская сторона пошла на ряд уступок, в том числе на отмену неравноправного договора о поставках угля со списанием значительной части кредитов в счет компенсации за стоимость угля [5. С. 227]. В середине ноября было подписано новое торговое соглашение [13. С. 261]. Цены советско-польской торговли углем стали рыночными, а СССР втрое сократил закупку польского угля.

Впрочем, достигнутый компромисс не решал проблемы. Хотя часть польского угля теперь высвобождалась, это отнюдь не означало, что он будет направлен в страны СЭВ. Проблема взаимных задолженностей сохранялась.

В 1957 г. наибольшие проблемы были связаны уже не столько с дефицитом энергоресурсов, сколько с нехваткой ресурсов для металлургической отрасли. Остро не доставало коксующегося угля и кокса. Проблему дефицита энергии удалось частично решить за счет поставок альтернативных ресурсов: нефти, брикетов и бурого угля. Для металлургии на тот момент не существовало альтернативных видов сырья.

При этом основные производители угля в Восточной Европе, прежде всего Польша и Чехословакия, не шли на встречу импортерам, ссылаясь на собственные нужды. Новый металлургический комбинат им. Ленина в Нова Гута в Польше не мог запустить производство на полную мощность из-за нехватки коксующегося угля [6. С. 134]. Чехословакия использовала коксующиеся угли в процессах, где вполне можно было обойтись энергетическими, так как не имела собственных энергетических углей в достаточном объеме. Но Польша не поставляла в Чехословакию дополнительных объемов энергетических углей, поскольку Чехословакия не поставляла в Польшу коксующихся. Обе стороны ссылались на задолженности торговых партнеров.

Для решения проблемы дефицита коксующегося угля Постоянной комиссией по угольной промышленности СЭВ совместно с Постоянной комиссией по металлургии к концу 1958 г. был разработан среднесрочный комплекс мер по снижению остроты дефицита. Этот план включал корректировки в планы взаимных поставок, планы научно-технических разработок по расширению использования низкосортных углей в металлургическом производстве и расширению сотрудничества в повышении эффективности угледобычи путем передачи проектной документации и технической помощи [9. С. 5-9]. В целом предложенные меры должны были в перспективе снизить остроту дефицита во всех странах – членах СЭВ и показать преимущества централизованного планирования.

Необходимо отметить, что политические элиты социалистических государств возлагали большие надежды на преимущества централизованного планирования. В марте 1958 г. на межправительственном совещании по энергетике согласно Справке Секретариата СЭВ о деятельности Европейской экономической комиссии «Советский Союз убедительно показал, что важнейшая проблема – ликвидация дефицита в энергетическом балансе Европы – может быть решена силами самой Европы» [11. С. 7]. Поскольку страны Западной Европы в этот момент зависели от поставок угля из США, подобное утверждение означало готовность компенсировать необходимые объемы угля за счет стран СЭВ. Политический аспект заявления ясен: оно должно было дискредитировать саму идею западно-европейской интеграции, поскольку предполагало, что страны «Шестерки» выбрали непродуктивный путь отказа от сотрудничества с остальной Европой.

В принципе, идея урегулирования угольного (и шире – ресурсного) дефицита путем более тесной координации производственных и торговых планов вызывала интерес на Западе. Секретарь Европейской экономической комиссии С. Туомио в 1958–1959 гг. несколько раз обращался к руководству СЭВ с просьбами предоставить данные о мерах преодоления дефицита сырья в черной металлургии в СЭВ и координации перспективных планов развития СЭВ [10. С. 3, 45]. Однако Секретариат СЭВ в качестве ответа предпочитал ограничиваться лишь данными официальных коммюнике или утверждением, что работы в этом направлении находятся на ранней стадии (Там же). Учитывая интерес социалистических стран к ЕЭК ООН как альтернативе западноевропейской интеграции, подобная скрытность выглядела не самым дальновидным решением.

Впрочем, оказалось, что перспективные планы не способны были решить текущие проблемы. Рекомендации по взаимным поставкам выполнялись плохо, а дефицит коксующихся и энергетиче-

ских углей продолжал оставаться острой проблемой для крупнейших экономик Восточной Европы. Поэтому с 1958 г. СССР вынужден был принять на себя роль посредника. Советский Союз начал поставлять в Польшу коксующийся уголь, значительно увеличив при этом импорт польских энергетических углей с целью их реэкспорта, прежде всего, в ГДР и Чехословакию (рис.). При этом торговали вышеназванные страны углем по ценам максимально приближенным к ценам мирового рынка.

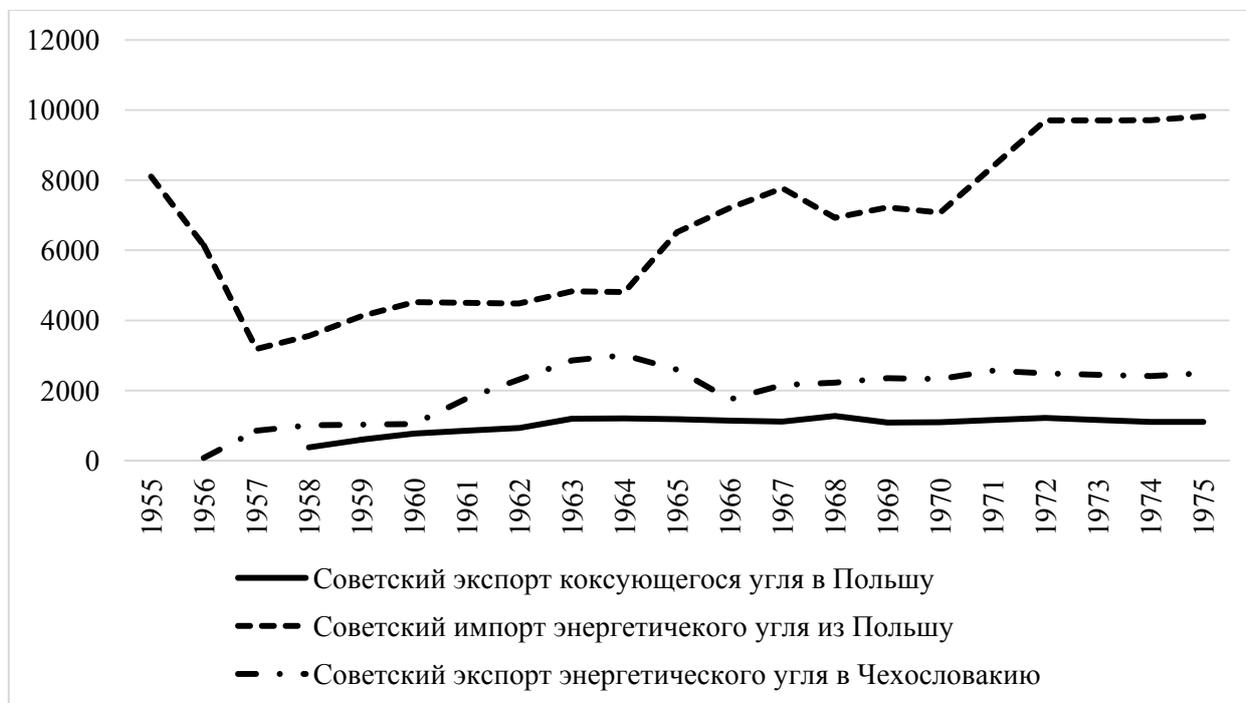

Рис. Объемы советской торговли углями в 1955–1975 гг.

(источник: Внешняя торговля Союза ССР. Статистические сборники, 1956–1976 гг.)

Обсуждение

Изложенная выше цепочка событий, на наш взгляд, привела к появлению qwerty-эффекта во внешнеторговых отношениях стран – членов СЭВ. Трехсторонняя торговля углем между СССР, Польшей и Чехословакией соответствовала основным критериям ситуации зависимости от предыдущего пути развития.

Во-первых, сложившаяся в 1950-е гг. система перераспределения угля с СССР в качестве посредника была устойчивой и просуществовала практически без изменений вплоть до распада СЭВ как экономического объединения.

Во-вторых, подобный способ организации торговых потоков явно не был оптимальным решением с экономической и с политической точки зрения. Усложнение торговых цепочек вело к появлению дополнительных издержек, в том числе возникавших за счет разницы в экспортных и импортных ценах торговли СССР со странами Восточной Европы.

После взрывного роста цен на энергоносители в середине 1970-х гг. неоптимальный характер подобных торговых отношений косвенно был признан и советским руководством. Потери от разницы цен в торговле углем стали ощутимыми и при этом трудно объяснимыми с точки зрения экономической целесообразности, поэтому в советских статистических сборниках по внешней торговле данные об импорте польского угля, а затем и обо всех торговых операциях с энергоресурсами с 1976 по 1985 г. не публиковались.

Можно предположить, что немаловажную роль в институционализации неоптимальной системы перераспределения угля сыграл особый характер отношений между СССР и странами Восточной и Западной Европы в 1950-е гг. Успехи Европейского объединения угля и стали и Европейского экономического сообщества влияли на углубление кооперации социалистических стран в рамках СЭВ. Но без решения противоречий между странами Восточного блока расширение сотрудничества было невозможно. Как и в случае с появлением Восточного института ядерной энергии под влиянием соз-

дания ЦЕРН [6. С. 129], формирование описанной системы перераспределения угля, вероятнее всего, было попыткой оперативного решения застарелой проблемы на фоне запуска в 1958 г. механизмов Европейского экономического сообщества.

Однако, учитывая сложность согласования товарных контрактов и производственных планов между странами СЭВ, логично предположить, что крупные сделки, по типу описанных поставок угля, в будущем было крайне сложно изменить, не вызвав глубоких нарушений в платежных балансах стран. При этом по мере роста взаимной торговли масштаб издержек подобных атавизмов социалистической кооперации должен был снижаться.

Из этого предположения следует, что в 1950-е гг., пока механизмы кооперации внутри СЭВ только формировались, социалистическая система была уязвима для появления различных qwerty-эффектов.

Выводы

Таким образом, на основе анализа истории преодоления дефицита угля в Европе был выявлен конкретный пример возникновения устойчивых неоптимальных экономических связей.

К концу 1950-х гг. в Восточной Европе сформировалась система перераспределения угля между СССР, Польшей и Чехословакией, появление которой проходило под влиянием ситуативных решений при наличии более оптимальных альтернатив. Данная система существовала длительное время и была неоптимальной с точки зрения экономики, а потому может считаться проявлением qwerty-эффекта.

В целом участие СССР в качестве посредника в перераспределении угля между Польшей и Чехословакией способствовало расширению объемов торговли внутри СЭВ. Советское посредничество в значительной степени решало проблему текущего дефицита коксующихся и энергетических углей и создавало условия для реализации среднесрочных планов по обеспечению промышленности социалистических стран сырьем.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ. Проект № 15-31-01226

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баканов С.А., Попов А.А. Как шахтеры стали «аристократами»: социальные эффекты развития угледобычи в СССР и Польше (1945–1970-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С.87-96.
2. Внешняя торговля Союза ССР за 1956 г. Статистический обзор. М., 1958.
3. Внешняя торговля СССР в 1987 г. Статистический сборник. М., 1988.
4. Липкин М.А. Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х – конец 1960-х годов. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
5. Орехов А.М. Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: Из истории советско-польских отношений. М., 2005.
6. Попов А.А. «Наш ответ» Европейскому объединению угля и стали: попытки кооперации стран СЭВ в сфере добычи угля и железной руды (1950-е гг.) // Новый исторический вестник. No.3. 2016. С. 126-139.
7. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 3.
8. РГАНИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15.
9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 561. Оп. 23с. Д. 7.
10. РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 26.
11. РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 39.
12. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 76. Д. 11.
13. Советский Союз – Народная Польша, 1944 – 1974. Документы и материалы. М., 1974.
14. Кэмбриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 2. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
15. Arthur W.B. Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Michigan: University of Michigan Press, 1994.
16. Campos N.F., Coricelli F., Moretti L. Economic Growth and Political Integration: Estimating the Benefits from Membership in the European Union Using the Synthetic Counterfactuals Method [Electronic resource] // IZA Discussion Paper No. 8162. Access mode: <https://ssrn.com/abstract=2432446>, free.
17. David P.A. Why are Institutions the ‘Carriers of History’? Path Dependence and the Evolution of Conventions, Organizations and Institutions // Structural Change and Economic Dynamics. 1994. Vol. 5, no. 2. P. 205-220.

18. Dragomir E. The Formation of the Soviet Bloc's Council for Mutual Economic Assistance: Romania's Involvement // *Journal of Cold War Studies*. 2011. Vol. 14, is. 1. P. 34-47.
19. Eichengreen B. *Europe's post-war recovery*. NY: Cambridge Univ. Press, 1995.
20. Gillingham J. *Coal, steel, and the rebirth of Europe, 1945–1955. The German and French from Ruhr conflict to economic community*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
21. Gillingham J. *European Integration, 1950–2003. Superstate or New Market Economy?* NY: Cambridge Univ. Press, 2003.
22. Iriye A. (ed.) *Global Interdependence: The World After 1945*. L.: Belknap Press, 2014.
23. Kansikas S. Acknowledging Economic Realities. The CMEA Policy Change vis-à-vis the European Community, 1970-3 // *European Review of History*. 2014. Vol. 21, no.2. P. 311-328.
24. Mueller W. The Soviet Union and Early West Integration, 1947-1957: From the Brussels Treaty to the ECSC and the EEC // *Journal of European Integration History*. 2009. Vol. 15, no 2. P. 67-86.
25. North D.C. *Institutional Structure and Institutional Change*. NY: Cambridge Univ. Press, 1990.
26. Romano A. Untying Cold War Knots: The EEC and Eastn Europe in the Long 1970s // *Cold War History*. 2013. No. 1. P. 1-21.
27. Schwabe K. The Cold War and European integration, 1947–63 // *Diplomacy and Statecraft*. 2001. Vol. 12, is. 4. P. 18-34.
28. Yamamoto T. Détente or Integration? EC Response to Sovet Policy Change towards the Common Market, 1970–1975 // *Cold War History*. 2007. No. 7. P. 75-94.

Поступила в редакцию 17.10.17

A.A. Popov

COAL DEFICIT AND INTEGRATION PROCESSES IN EUROPE (1950s)

Integration processes in Western and Eastern Europe developed under the influence of similar factors and exerted a significant influence on each other. The shortage of coal in the post-war period was a serious problem for all European economies. The search for a solution of that problem took place throughout the decade of the 1950s. The shortage of coal had a direct impact on the expansion of cooperation between countries both within the integration communities of the European Coal and Steel Community and the Council for Mutual Economic Assistance, and at the pan-European level. The article analyzes the steps of the CMEA countries in overcoming the deficit of coking and energy coals. The conditions and mechanisms for the formation of the coal distribution system in Eastern Europe are considered. The author shows that in the case of the socialist countries, the choice of concrete alternative solutions to the problem often depended on situational decisions of the political leadership. The solution of the coal problem was accompanied by the formation of stable non-optimal economic relations, which was indirectly recognized by the socialist countries themselves. At the same time, the distribution system that was established in the CMEA in the late 1950s was functioning until the collapse of the socialist camp. It was concluded that attempts to solve the problem of coal deficit led to the emergence of qwerty-effects in the development of trade and economic relations of Eastern European countries. The author suggests that during the period under review the pre-integration processes in the socialist camp were more vulnerable to the emergence of qwerty-effects than the West European integration.

Keywords: history of European integration, Council for Mutual Economic Assistance, coal, foreign trade of the USSR, history of international relations, qwerty-effect.

Попов Алексей Алексеевич,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных отношений
и зарубежного регионоведения

Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)
454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 76
E-mail: aapopov@susu.ru

Popov A.A.,
Candidate of History, Associate Professor
at Department of International Relations
and Foreign Regional Studies
South Ural State University
(National Research University)
Prosp. Lenina, 76, Chelyabinsk, Russia, 454080
E-mail: aapopov@susu.ru